

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 1 / 2025, Vol. 5, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1'37 + 821.161.1–31

¹ Брегадзе Ю.С.

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Особенности словоупотребления в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор»

Аннотация: статья посвящена исследованию лексических единиц в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор», выявлены способы передачи идеи автора посредством определенных лексем, проанализированы основные лексические пласты, представленные в тексте: лексемы и устойчивые выражения, устаревшие слова, вкрапления из немецкого языка, неологизмы. Методология исследования представлена обзором научных работ современных отечественных и зарубежных ученых, посвященных лингвистическому анализу творчества Е.Г. Водолазкина. Методы компонентного анализа, классификации и систематизации позволили выявить функционал лексем в тексте романа «Авиатор». Результаты исследования представлены в виде разработанной типологии лексических единиц, представленных в романе писателя.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, «Авиатор», словоупотребление, языковая игра, идиостиль

Для цитирования: Брегадзе Ю.С. Особенности словоупотребления в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 1. С. 32 – 37.

Поступила в редакцию: 23 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 января 2025 г.; Принята к публикации: 29 января 2025 г.

¹ Bregadze Yu.S.

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University

Features of word usage in E.G. Vodolazkin's novel «Aviator»

Abstract: article is devoted to the study of lexical units in E.G. Vodolazkin's novel "The Aviator", the ways of conveying the author's idea through certain lexemes are revealed, the main lexical layers presented in the text are analyzed: lexemes and stable expressions, obsolete words, inclusions from the German language, neologisms. The research methodology is presented by an overview of the scientific works of modern domestic and foreign scientists. The research methodology is presented by a review of scientific works by modern domestic and foreign scientists devoted to the linguistic analysis of E.G. Vodolazkin's work. The methods of component analysis, classification and systematization made it possible to identify the functional of lexemes in the text of the novel "Aviator". The results of the study are presented in the form of a developed typology of lexical units presented in the novel by the writer.

Keywords: E.G. Vodolazkin, "Aviator", usage of words, language game, idiosyncrasy

For citation: Bregadze Yu.S. Features of word usage in E.G. Vodolazkin's novel «Aviator». Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (1). P. 32 – 37.

The article was submitted: December 23, 2024; Approved after reviewing: January 06, 2025; Accepted for publication: January 29, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения специфики словоупотребления в романном творчестве Е.Г. Водолазкина, поскольку это способствует выявлению особенностей идиостиля автора. В романе «Авиатор» слово становится главным смысловым центром произведения. Исследуемые лексические единицы выполняют обширный спектр функций, главной из которых является раскрытие авторской идеи вневременности. Наиболее отчетливо идея отсутствия времени проявляется при использовании устаревшей лексики и неологизмов в едином контексте. Слово в тексте произведения является выражением различных состояний, мыслительной деятельности и чувственной сферы персонажей, а также становится главным инструментом, помогающим главному герою восстановить утраченную им память.

Цели и задачи исследования заключаются в выявлении особенностей функционирования в романе «Авиатор». К задачам, которые были решены в ходе исследования относятся следующие: 1) анализ специфики авторского восприятия слова в романе; 2) описание способов передачи основной идеи автора через слово; 3) выявление функции слова в романе.

Многие исследователи обращают внимание на отношение Е.Г. Водолазкина к слову, к лексико-стилистическим характеристикам текста. По мнению доктора М. Яворского, в «Лавре» «<...> герои не только воспринимают мир через слово, но именно оно позволяет им быть. Таким образом, язык в романе играет ключевую роль как в гносеологическом, так и онтологическом плане» [12, с. 218].

Итальянский исследователь Дж. Маркуччи пишет о роли слова в романе «Авиатор»: «Единственное спасение героя Водолазкина – в Слове, которому Водолазкин возвращает роль “властителя дум”, утраченную в современном мире» [7, с. 376].

Материалы и методы исследований

Для исследования особенностей словоупотребления в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» применялись следующие методы: описательный метод, реализованный в сборе, классификации и систематизации языкового материала, а также метод контекстуального анализа, который используется для изучения функциональной специфики слов, фразем и свободных словосочетаний и их семантики.

Результаты и обсуждения

При анализе лексической организации романа «Авиатор» упомянуть о прямой связи языка и мышления. В этой связи актуальны положения Л.С. Выготского. Ученый отмечал, что мысль может не выражаться в одном слове, но она совершается в нём. При этом стоит заметить значимость внутренних монологов, в которых явно отражаются особенности внутренней речи: «в ней происходит “испарение” речи в мысль, а мышление осуществляется посредством значения как определяющего признака слова. <...> Осмысленное слово есть микроскоп человеческого сознания» [4, с. 128].

Именно язык приводит к значениям, недоступным обычному созерцанию, поэтому уместен вывод о том, что каждое слово имеет абсолютную ценность в речи или тексте и уникальную историю. Одной из идиостилистических особенностей прозы Е.Г. Водолазкина является опредмечивание вещественного мира через слово. Слово выступает инструментом называния предметов, делая их «доступными для понимания» [7, с. 369].

Так, слово режим, использованное медсестрой в значении ‘заранее распланированный распорядок жизни, занятий, деятельности’ [2, с. 548], воссоздает в сознании Платонова образы, связанные со значением ‘государственный строй, образ правления’: «Один раз, держась за стенку, вышел из палаты в коридор – тут же появилась Валентина: у вас постельный режим, вернитесь в палату. Режим... Кстати: оба выглядят старорежимно. Гейгер если не в халате, так обязательно в тройке» [3, с. 9]. Слово режим становится импульсом к дальнейшему вспоминанию деталей и образов, для ассоциативного включения слова в деривацию.

У героя «Авиатора» отдельно сказанная им фраза становится самостоятельным пространственно-временным событием. Письмо в романе обретает значение онтологическое. Примером тому может служить одно из воспоминаний главного героя о прошлой жизни: «Не было новых вещей – все ходили в старом. Был даже в этом какой-то шик – трудное время, любимая фраза той поры. Трудное время уметь переживать» [3]. За фразой трудное время скрывается целая эпоха, детально описанная Платоновым в дневнике.

В романе встречаются примеры языковой игры, основанной на комизме и иронии автора, однако роль их в тексте специфична. Рассмотрим следующий эпизод: «Украдкой подойдешь к куче – некоторые книги почти не тронуты огнем, всё читается: “Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание...”. А с живыми что делать, которым порою хуже, чем усопшим? У которых болезнь и печаль? И воздыхание? Смотришь – на престольное Евангелие. Полусгоревшее. Проведешь пальцами по переплету, а потом незаметно коснешься губ, будто приложился» [3, с. 45].

В приведенном отрывке отчетливо проявляется смешение стилей в пределах одного сложного синтаксического целого. Цитата выдержана в высоком стиле, перед читателями предстает образец книжного церковно-

славянского текста: идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание. Далее герой с долей иронии размышляет о судьбе живых, используя те же слова, что и в цитате из Евангелия, но явно с иным семантическим ореолом, предваряя их вопросом: «А с живыми что делать, которым порою хуже, чем усопшим?» В этом можно усмотреть авторскую позицию: слова изменились, но изменился ли смысл, который в них вкладывает говорящий? Отметим также трижды отмеченный в тексте приём парцелляции, характерный для современной литературы.

Одной из особенностей идиостиля Е.Г. Водолазкина, отчетливо проявляющейся в романе, является его коллективность. Текст создается сразу тремя героями. Такое явление далеко не ново в зарубежной литературе, однако в русской примеры такого повествования встречаются значительно реже.

Особого внимания заслуживают словесные формулы, органично вписанные в размышления и воспоминания Платонова. К ним можно отнести следующие: тепло быстро передается по металлу; иди бестрепетно, бабушка читает «Робинзона Крузо» [3]. Такие «фразы», как называет их герой романа, возвращают его к событиям, когда-то пережитым им, но забытым. Выражения эти можно считать катализатором воспоминаний Иннокентия. Данные речевые единицы и их функция в произведении сопоставима с функцией «развёрнутых сравнений».

Герой романа – человек пишущий. Для автора было принципиально важно через письмо и язык героя заявить читателю о значимости такого письма по памяти. По справедливому замечанию Т.Г. Кучиной, «лишь “человеку пишущему” дано сохранить бывшее – для ещё не явившихся на свет, обратить небывшее – в подлинную явь» [6, с. 108].

Е.Г. Водолазкина особенно интересует тема консервации, запечатывания всего мира в одном слове. В романе «Авиатор» ушедшая эпоха начала XX века характеризуется устаревшими словами, вышедшими из употребления в конце века. Время маркируется словом. Только слово делает возможным составление определённых представлений о человеческих радостях и бедах в ушедшую эпоху: «парадигма слов и словосочетаний внутри текста включает в себя номинации, обозначающие и характеризующие жизненный уклад в первые послереволюционные годы» [5, с. 197]. Особенности советской жизни в первые годы после революции отражены в словах и словосочетаниях уплотнение, коммунальная квартира, долгие часы за керосином, Петросовет, трудовые карточки и т.п.

В эпизодах описания лагерной жизни Платонова автор при помощи слова стремится показать насилие и страдания. Через отношение героя к словам прослеживается и оценка ушедшей эпохи самим автором. В романе «Авиатор» можно встретить примеры использования лагерной лексики: Вертухай, входит, он с палкой. Бьет – по голове, по плечам [3, с. 202]. Слово вертухай жаргонное, оно обозначает ‘милиционер, охранник; надзиратель, караульный на вышке в местах заключения’ [2, с. 120]. В словарном определении не ощущается того негативного смысла, который вкладывает в него писатель.

Это, пожалуй, единственное жаргонное слово, которое использует герой романа. Ему чужда новая культура с её бесцельным использованием слов, пустопорожним времяпровождением. Он пишет в дневнике: «Как можно тратить бесценные слова на телесериалы, на эти убогие шоу, на рекламу? Слова должны идти на описание жизни. На выражение того, что ещё не выражено...» [3, с. 30]. В этих словах героя отчетливо прослеживается позиция автора. Иннокентий не понимает и не принимает традиции переименований городских объектов, новые урбанонимы ему кажутся чуждыми: улицу переименовали, как-то убого обозначили. Зачем? В памяти Платонова всплывают слова его времени: «Я знаю от Гейгера, что теперь это называется авиационным шоу, но мне больше нравятся митинги» [3, с. 69]. Так в одном контексте сталкиваются два заимствованных слова, причём второе сохраняется в языке, но изменило свою валентность. Однако героем постепенно привыкает к новым словам, которые писатель выделяет курсивом: «Говорю, как человек, целую неделю смотревший телик».

Герой романа отлично владеет специальной терминологией. Он записывает: «Вот что всплыло из глубин моего сознания: академический рисунок полагает свое основание на знании и понимании формы, ему чуждо бессмысленное срисовывание и рисование по впечатлению. И ещё: форму необходимо вписать в формат, чтобы она не плавала и на периферии рисунка не возникали скучные места» [3, с. 90]. Познания в области художественного образования прочно укрепились в памяти Платонова, хотя навык рисования он утратил.

Герои нового времени пользуются другой лексикой и фразеологией. В дневниковых записях Насти обнаруживаются просторечные и жаргонные слова: будет крутым тусовщиком, не задирала цену, не хухры-мухры, перестраховщик, прихлопнула. Использование таких слов и словосочетаний свидетельствует об особенностях речи героини.

Особое место в тексте романа занимают языковые вкрапления из немецкого, встречающиеся в речи Гейгера, немца по происхождению: Geld ‘деньги’, aber schön ‘однако красиво’, sprachfreudiges Mädchen ‘болтливая девчонка’. Одной из функций использования данных вкраплений является экспрессивная, они передают эмо-

ции говорящего: *Wahnsinn* ‘сумасшествие’, *unglaublich* ‘невероятно’, *mein Gott* ‘мой Бог’. В лингвистике подобные явления называют макаронизмами, варваризмами, алиенизмами и др. Подобного рода иноязычные вкрапления в тексте романа свидетельствуют о постмодернистской направленности.

Е.Г. Водолазкин не злоупотребляет неологизмами, однако совсем избежать их не может, используя эти единицы для оценки общественных явлений. В уста героини он вкладывает слово *хронотоплес*: «Кстати, она, оказывается, читала Бахтина. Лишённых и времени, и пространства назвала хронотоплес» [3, с. 255]. Е.Г. Водолазкин указывает на источник нового слова: размышления известного философа и литературоведа М.М. Бахтина о хронотопе: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – “времяпространство”» [1, с. 234]. При этом Настя является автором нового слова, образовав его от литературоведческого термина с добавлением английского суффикса *-less*, значение которого – указание на отсутствие того, что названо в корне. У слова есть потенциал языковой игры, поскольку его вторая часть ассоциируется с лексемой *топлесс* (англ. *topless*) ‘купальный костюм для женщин, в котором отсутствует верхняя часть, закрывающая грудь’ [10, с. 672].

Особого внимания заслуживает христианский мотив воскрешения из мёртвых, который является ведущим в дневнике Платонова. Е.А. Неверов отмечает: «Героя волнует, что чувствовал Лазарь, вернувшись в мир живых? О чем свидетельствует его воскрешение? Осознавая неизбежность скорой и на этот раз окончательной смерти, Платонов хочет оставить в этом мире память о себе, свой словесный портрет для ещё не родившегося на свет ребёнка» [8].

Платов записывает в дневнике: «Для всякого возвращения должны быть веские причины... Лазарь четверодневный свидетельствовал о всемогуществе Господнем» [3, с. 286]. «Воскресение героя Водолазкина пришлось на иную историческую эпоху, что осложнило его “адаптацию”» [11, с. 217]. Евангельский Лазарь Четверодневный после воскрешения прожил ещё тридцать лет, служа епископом, а затем скончался. Иннокентий после долгого сна длиной в столетие живёт всего полгода. Платонов так и не смог адаптироваться к новым реалиям жизни и покидает её, но уходит не в небытие, а в полёт: герой буквально растворяется в воздухе. В этом видна авторская трансформация библейского сюжета – один из приёмов постмодернизма.

С именем Лазарь писатель проводит сложную ономастическую игру. Эргоним группы профессора Муромцева «Лаборатория по замораживанию и регенерации» имеет в духе времени аббревиатуру «ЛАЗАРЬ». Заклѹченных, ставших материалом для проводимого в соловецком лагере эксперимента по заморозке людей с последующим воскрешением, называют лазарями. Провидение действиями доктора Гейгера воскресило Платонова, но эксперимент оказался неудачным: у «лазаря» постепенно отмирают клетки мозга, и невозможно победить этот процесс [3, с. 162].

О других примерах ономастической игры не сказано открыто, но можно их попытаться раскрыть через этимологию имени. Антропоним Лазарь восходит к древнееврейскому Элиазар ‘Бог помог’ [9, с. 152]. Иннокентий записывает в дневнике: «руками Гейгера меня воскресил Господь» [3, с. 286], имплицитно раскрывая эту этимологию.

Читая М.М. Бахтина, Платонов размышляет о своей судьбе: «Робинзон за грехи был заброшен на остров и лишѸн своего родного пространства. А я лишѸн своего родного времени – и тоже ведь за грехи» [3, с. 232]. В финале романа мы узнаѸм, что герой пришѸл на кладбище, чтобы попросить прощѸния у убитого им раба Божьего Николая [3, с. 320]. Писатель размышляет о грехе: «Ведь настоящее покаяние – это возвращение к состоянию до греха, своего рода преодоление времени. А грех не исчезает, он остается как бывший грех, как – не поверите – облегчение, потому что раскаян. Он есть и – уничтожен одновременно» [3, с. 323]. И подтверждением этих слов служит имя героя Иннокентий, которое образовано от латинского слова *innocens* ‘невинный’ [9, с. 157].

В романе происходит перерождение героя. Утратив способность рисовать, он обрѸл дар слова, описывая в дневнике своё прошлое и кратковременное настоящее. Детство представляется ему как «счастье, утраченное навсегда» [3, с. 22]. Герой вспоминает о даче в Сиверской, реке Оредежь, об отдыхе с родителями в Алуште, об инфлюенце, о друге детства кузене Севе, о своей первой любви, о тёплом ветре, который треплет кружева зонтов. Когда Иннокентия просят рассказать об октябрьском перевороте, он погружается в мир своих ощущений: «ШѸл, если ничего не путаю, дождь со снегом. Точнее, сначала был дождь, который перешѸл в мокрый снег. Я вышел куда-то, забыв дома шарф, и снежинки таяли у меня на шее, я чувствовал их таяние горячей кожей. Ветер был, ранняя темень, вы же знаете, что для Петербурга – это самое скверное время...» [3, с. 141]. Для героя романа снежинка, тающая на шее, важнее политических перипетий.

Тема авиации сопровождает его с детства: «Мы приехали с самого утра, поэтому стоим в первом зрительском ряду. Можем рассмотреть не только аэроплан, но и авиаторов. В тот самый миг, когда я этих людей

увидел, я твёрдо решил, что стану авиатором» [3, с. 92]. В заглавии романа скрыта реминисценция на стихотворение А. Блока с таким же названием. Строки из этого стихотворения цитируются на страницах романа:

Летун отпущен на свободу,
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское – в воду,
Скользнул в воздушные струи [3, с. 48].

Из записей Иннокентия можно понять, каково его отношение к языку в целом и к слову. Автор вкладывает в записи героя свои мысли: язык – народное достояние, а слово – выражение любого состояния, мысли, чувства, слово бесценно.

Выводы

Итак, к отличительным особенностям словоупотребления в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» мы отнесли реализацию идеи автора о вневременности посредством лексической неоднородности текста (неологизмы, устаревшая лексика, просторечие, профессионализмы, макароническая речь и др.). Одной из наиболее значимых функций слова является восстанавливающая: одно слово помогает герою вспомнить важные события. Экспрессивная функция слова прослеживается в эпизодах употребления лагерной лексики, просторечия, восклицаний из немецкого.

Список источников

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Большой академический словарь русского языка / ред. Л.И. Балахонova. М.: Наука, 2014. Т. 23. 734 с.
3. Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: Астрель, 2016. 338 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь: монография. М.: Лабиринт, 2007. 324 с.
5. Купина Н.А. Лингвистическая философия Евгения Водолазкина: роман «Авиатор» // Известия УрФУ. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (169). С. 194 – 205.
6. Кучина Т.Г. «Конвертировать бытие в слово»: Homoscribens в прозе Евгения Водолазкина // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 105 – 108.
7. Маркуччи Д. Язык и предметный мир в Авиаторе Евгения Водолазкина: между прошлым и настоящим // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин: Коллективная монография / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 367 – 378.
8. Неверов Е.А. Дневник как форма повествования в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Язык. Культура. Коммуникации: электронный журнал. 2017. № 1.
9. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. 4-е изд., доп. М.: Русские словари, 1995. 414 с.
10. Словарь иностранных слов русского языка / сост. Т.В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 799 с.
11. Чайковская И. Возвращение авиатора // Знамя. 2017. № 2. С. 215 – 218.
12. Яворски М. Борьба за сохранение памяти: о письме и речи в Лавре Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин: Коллективная монография / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 215 – 222.

References

1. Bakhtin M.M. Questions of Literature and Esthetics. Moscow: Art Literature, 1975. 504 p.
2. The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Ed. L.I. Balakhonov. Moscow: Nauka, 2014. Vol. 23. 734 p.
3. Vodolazkin E.G. Aviator. Moscow: Astrel, 2016. 338 p.
4. Vygotsky L.S. Thinking and Speech: Monograph. Moscow: Labyrinth, 2007. 324 p.
5. Kupina N.A. Linguistic Philosophy of Evgeny Vodolazkin: The Novel "The Aviator". Izvestiya UrFU. Humanitarian Sciences. 2017. No. 4 (169). P. 194 – 205.
6. Kuchina T.G. "Convert Being into Word": Homoscribens in the Prose of Evgeny Vodolazkin. Bulletin of Kostroma State University. 2016. No. 6. P. 105 – 108.
7. Marcucci D. Language and the Object World in Evgeny Vodolazkin's Aviator: Between Past and Present. Iconic Names of Contemporary Russian Literature. Evgeny Vodolazkin: Collective Monograph. Edited by A. Skotnitskaya, Ya. Svezhy. Krakow: Wyd-wo University Jagiellońskiego, 2019. P. 367 – 378.
8. Neverov E.A. Diary as a Form of Narration in E. Vodolazkin's Novel "The Aviator". Language. Culture. Communications: electronic journal. 2017. No. 1.
9. Petrovsky N.A. Dictionary of Russian personal names. 4th ed., suppl. Moscow: Russian dictionaries, 1995. 414 p.

10. Dictionary of foreign words of the Russian language. Compiled by T.V. Egorova. Moscow: Adelant, 2014. 799 p.
11. Tchaikovskaya I. Return of the aviator. *Znamya*. 2017. No. 2. P. 215 – 218.
12. Yavorsky M. The struggle to preserve memory: about the letter and speech in the Lavra of Evgeny Vodolazkin. Iconic names of modern Russian literature. Evgeny Vodolazkin: Collective monograph. Edited by A. Skotnitskaya, Ya. Svezhy. Krakow: Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. P. 215 – 222.

Информация об авторах

Брегадзе Ю.С., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, *b-yuliya1997@mail.ru*

© Брегадзе Ю.С., 2025